на

жур-

р.

ь не

ДВѢ ПОВѢСТИ

АРИСТОНОЕВЫ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

и

РОЖДЕНІЕ ЛЮДЕЙ

ПРОМИѲЕЕВЫХЪ.

Переведены съ Французскаго.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1766 года.

ПИСЬМО
къ
НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ,
Г. НАВИКОВУ.

ГОСУДАРЬ МОЙ!

Дружба ваша и пріязнь, всегда для меня были драгоцѣнны, и я ихъ на всегда потщуся зберечь, онѣ однѣ сильны были произвесть въ моемъ сердцѣ вѣчную къ вамъ дружбу и почтеніе; но ваше доброе сердце, и похвальная склонность къ снисканію добродѣтели и ученія,

которая пріобрѣтаетъ наконецъ человѣку не зыблемую славу, прилѣпляютъ къ вамъ мою душу наиболѣе; и я вамъ равно не инымъ чѣмъ могъ понравиться, какъ етою же самою склонностію, которая восхищаетъ вашу душу, слабыя ума моего производства были причиною вашего сомною знакомства, ими пріобрѣлъ я къ себѣ вашу любовь, и вы съ тѣхъ поръ удостоили меня вашимъ дружествомъ. Всѣ мои слабыя сочиненіи и переводы имѣли счастіе вамъ нравиться: етому можетъ быть не изрядство ихъ было причиною, а дружеская ваша благосклонность.

Какъ

Какъ бы то ни было, только обѣщалъ я сообщать вамъ всѣ мои сочиненія, какъ собственныя, такъ и преложенныя съ другихъ языковъ.

Обѣщаніе сіе имѣю я случай исполнить теперь самымъ дѣломъ. Нужды мои зовутъ меня изъ Санктпетербурга; въ которой можетъ быть не скоро я возвращусь, обученіе мое во Французскомъ нарѣчіи было причиною мнѣ для переводу двухъ малыхъ повѣстей: первая изъ нихъ называется *Аристоноепы приключенiи*, а другая *рожденiе людей промиѳеевыхъ*; сіи обѣ книжки при семъ, государь мой

вамъ

вамъ сообщаю, чѣмъ исполняю и ваше и мое желанїе. А я впредь попещусь услужить чѣмъ нибудь важнѣйшимъ въ началѣ обществу, коему мы завсегда обязаны служить посильнымъ нашимъ трудомъ, а по немъ и вамъ; и стану стараться трудами моими подтвердить обо мнѣ ваше мнѣнїе, и чрезъ то пребыть на всегда вашимъ,

Государь мой,

вѣрнымъ слугою,

М. П.

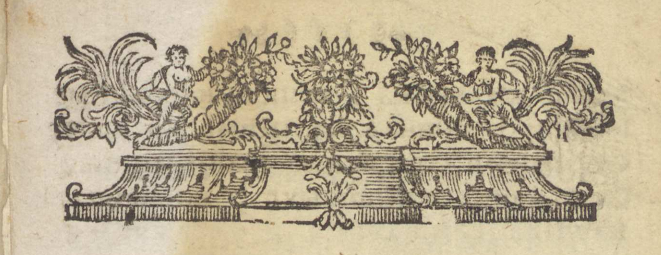
ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Издатель приключенїй Аристоноевыхъ на Французскомъ языкѣ, говоритъ въ предувѣдомленїи своемъ о повѣсти сей такъ, что по прочтенїи похожденїя Телемахова не можно найти нѣжнѣйшаго, ни больше трогающаго, кромѣ сего повѣствованїя Аристоноева. Къ чему въ похвалу ему прибавляетъ, что будто нѣкоторыя искусныя особы его увѣдомляли, что сїе сочиненїе, такъ какъ и Телемахъ, одолжено бытїемъ своимъ, прославившемуся сладкимъ и искуснымъ своимъ перомъ, господину Деламотъ Фенелону. Впрочемъ онъ сего совершенно не утверждаетъ; только говоритъ, что писатель сего Аристоноя подражалъ во всемъ воображенїю, слогу и нравоученїю господина Фенелона.

Но естьли читатель, не взирая на мое предувѣдомленїе, не найдетъ въ переводѣ сего пове-

женія всей той сладости и красоты, съ какою оно описывается на Французскомъ языкѣ, то оному предлагаю, что я еще не довольно искусенъ во Французскомъ нарѣчіи, которому еще учусь, и притомъ также худо знающь и въ Россійскомъ словѣ; и хотя извиненіе сіе не служитъ мнѣ къ прославленію, но я хочу лучше безъ славы чистосердечнымъ, нежели съ нею тщеславнымъ остаться, думая притомъ, что чистосердечное признаніе половину вины отпущаетъ.

А о другой повѣсти не могу я болѣе читателю объявить, какъ только сіе, что я ее нашелъ пріобщенною къ прелестницѣ Смирнской, которая, по объявленію французскаго ея издателя, переведена съ Греческаго языка: изъ чего можно кажется заключить, что и сія съ того же нарѣчія преложена; хотя о томъ въ приписаніи издателевомъ и не упоминается.



ПРИКЛЮЧЕНІЯ АРИСТОНОЕВЫ.

Софронимъ по потеряніи богатствъ предковъ своихъ кораблекрушеніемъ, и другими несчастіями, утѣшался добродѣтеліею своею въ островѣ Дилѣ. Тамъ воспѣвалъ онъ на златой своей лирѣ чудеса боговъ, почитаемыхъ имъ не лицемѣрно: ублажалъ музъ, возлюбившихъ его; изыскивалъ любопытно таинства природы, теченіе звѣздъ и небесъ, порядокъ стихій, строеніе

еніе вселенныя, которую онъ измѣрилъ принадлежащимъ къ тому орудіемъ, свойство произращеніи, сходство животныхъ; но наипаче научалъ самъ себя, и упражнялся попечительно въ украшеніи души своей добродѣтелью: и такъ счастіе хотѣвшее его низпровергнуть вознесло его на степень справедливѣйшія славы, происходящія отъ премудрости.

Между тѣмъ, какъ жилъ онъ счастливо и безъ имѣнія въ своемъ убѣжищѣ, усмотрѣлъ нѣкогда на берегу морскомъ почтеннаго старика, незнакомаго ему до толѣ: это былъ иностранецъ пріѣхавшей на оный островъ. Сей старикъ по изшествіи на землю удивлялся берегамъ сего острова, о которомъ вѣдалъ, что прежде сего былъ онъ плавающимъ по водамъ; разсуждалъ о сей странѣ возвышавшейся сверьху песками и дикими камнями, размышлялъ о малыхъ холмикахъ покрытыхъ завсегда при-

приращдающимся и цвѣтущимъ дерномъ; не могъ довольно насмотрѣться на чистыя ключи, и быстрыя источники орошающія прекрасное сіе поле; потомъ подвинулся онъ къ освященнымъ лѣскамъ, окружающимъ божескій храмъ; удивлялся видя сію зелень, которую никогда не осмѣливались помрачить Аквилоны, и также размышлялъ о храмѣ содѣланномъ изъ Париосскаго мрамора бѣлѣйшаго снѣга, и окруженнаго высокими яшповыми столпами. Софронимъ не менѣе разсуждалъ о семъ старикѣ, коего сѣдая борода распростиралася по его груди, морщливое его лице было безъ безобразія, и былъ еще свободенъ отъ напатковъ дряхлыя старости, глаза его сіяли пріятною живностію, станъ его былъ высокій и величественный, но нѣсколько нагбенъ, и поддерживаемъ жезломъ изъ слоновыя кости. О иностранецъ! возгласилъ къ нему Софронимъ, кого ты

ищешь въ семъ островѣ, которой кажется тебѣ быть не знакомымъ? Не храмъ ли божескій привлекъ тебя сюда, которой ты видишь вдали, такъ я представляю себя проводить тебя въ оный; ибо я боюсь боговъ, и знаю то, что Зевсъ хощетъ, чтобъ иностранцамъ помогали.

Я принимаю, отвѣтствовалъ старикъ, предложеніе здѣланное мнѣ тобою съ толикими знаками милости; и молю боговъ наградить твою любовь къ странным; пойдемъ во храмъ. Въ пути разсказывалъ онъ Софрониму вину своего путешествія; я называюсь, говорилъ онъ, Аристоноемъ, и есмь уроженецъ Іоническаго города Клазомена, стоящаго въ сей пріятной странѣ, вдавшейся въ море, и кажущейся идущею соединиться съ островомъ Хіо, счастливымъ отечествомъ Омира; я произшелъ отъ родителей бѣдныхъ, хотя и благородныхъ. Отецъ мой

мой именемъ Полистратъ, будучи отягченъ многочисленнымъ домочадствомъ, не хотѣлъ меня воспитать; того ради повелѣлъ меня одному изъ своихъ пріятелей подкинуть въ Теосѣ. Нѣкоторая Ериѳриская старуха, имѣвшая свой домъ подлѣ того мѣста, гдѣ меня кинули, нашла меня и воспитала въ своемъ домѣ козьимъ молокомъ; но какъ она сама была убога, то когда я пришелъ въ довольныя лѣта къ снесенію службы, продала меня купцу торгующему невольниками, которой увезъ меня въ Ликію. Сей купецъ перепродалъ меня въ Патару богатому и добродѣтельному человѣку, именемъ Алькину, которой приложилъ о мнѣ попеченіе въ моей юности; я ему показался переимчивымъ, воздержнымъ, чистосердечнымъ, склоннымъ и прилѣжащимъ ко всѣмъ тѣмъ честнымъ знаніямъ, которымъ хотѣли меня научить; онъ меня посвятилъ тѣмъ наукамъ,

къ которымъ благосклонствуетъ Аполлонъ: велѣлъ меня научить музыкѣ, упражненію тѣлесному а наипаче искуссиву врачевать раны. Я скоро пріобрѣлъ довольно великое прославленіе въ сей наукѣ, толико нужной для человѣковъ; и Аполлонъ вдохнувшей оную въ меня, открылъ мнѣ въ ней чудесныя таинства. Алькинъ возлюбляющей меня болѣе и наиболѣе, и радующейся видя окончаніе попеченіямъ своимъ обо мнѣ, освободилъ меня, и послалъ къ Поликрату Самосскому Тиранну, которой въ невѣроятномъ своемъ благополучіи завсегда страшился, чтобъ фортуна по толь долгихъ къ нему благосклонностяхъ, не измѣнила ему напослѣдокъ наижесточае. Любилъ онъ жизнь, которая для него исполнена была сладостей, боялся ее потерять, и старался предупреждать малѣйшія знаки горестей: чего ради былъ завсегда окруженъ людми знаменитѣйшими

нитѣйшими во врачеванїи. Поликратъ былъ радъ видя желающаго меня препроводить жизнь мою при немъ: а чтобъ болѣе меня къ себѣ привлечь, то обогатилъ меня великими сокровищами, и наградилъ честью: я прожилъ не малое время въ Самѣ, гдѣ не могъ довольно надивиться, видя Тираново счастїе кажущимся принимать увеселенїе споспѣшествуя ему во всѣхъ его желанїяхъ: лишь бы онъ началъ войну, уже побѣда слѣдовала за нею; и такъ не оставалося ему кромѣ пожеланїя вещей невозможныхъ, но и тѣ окончавалися къ его удовольствїю; безмѣрныя его богатства умножалися на каждый день: всѣ его враги повержены были къ его ногамъ; здоровье его не имѣя знака къ умаленїю становилося тверже и ровнѣе; уже тому было сорокъ лѣтъ, какъ сей Тираннъ спокойный и счастливый держалъ фортуну, какъ будто связанную, не осмѣ-

ливающуюся ни въ чемъ ему противорѣчить, ниже причинять малѣйшія остановки въ его намѣреніяхъ. Столь неслыханное между смертными благосостояніе устрашало меня о немъ. Я его любилъ чистосердечно, и не могъ себѣ противиться, чтобъ не открыть ему моего страха; оный произвелъ напечатлѣніе въ его сердцѣ; ибо хотя и былъ онъ умягченъ пороками, и надменъ своимъ могуществомъ, но не оставлялъ еще имѣть нѣскольких чувствъ человѣчества, когда ему припоминали о богахъ, и о непостоянствѣ мирскихъ вещей. Не разгнѣвался онъ, когда я ему выговорилъ правду, и столько былъ тронутъ страхомъ моимъ объ немъ, что опредѣлилъ наконецъ перервать теченіе своего благополучія лишеніемъ нѣкоторой вещи, которое восхотѣлъ онъ причинить самъ себѣ. Я вижу и самъ, говорилъ онъ мнѣ, что нѣтъ ни единаго человѣка, которой бы не

испы-

испыталъ на себѣ немилостей фортуны; многїе пощажены ею, но множайшїе страшатся ужасной ея перемѣны: я, котораго она награждала богатствами во время толикихъ лѣтъ, долженствую ожидать отъ нее безмѣрнѣйшихъ горестей, естьли не отвращу того, чѣмъ кажется она мнѣ угрожаетъ: и сего ради постараюсь я поспѣшить предупредить измѣну сего лестнаго счастїя. Выговоря сїи слова, снялъ онъ съ пальца своего перстень, которой былъ превеликїя цѣны, и весьма имъ любимъ; оный бросилъ онъ въ моемъ присудствїи съ высокїя башни въ море, надѣялся сею утратою удовольствовать надобность терпѣть по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, жестокости счастїя; но сїе было только ослѣпленное дѣло его благосостоянїя; избранныя горести, и причиненныя самимъ собою, не суть уже горести; мы огорчаемся одними насильственны-

ми и нечаянными муками, которыми поражаютъ насъ боги. Поликратъ не постигалъ, что истинное средство преобороть счастіе состоитъ въ томъ, чтобъ отвлекать себя премудростію и воздержаніемъ отъ всѣхъ его тлѣнныхъ даровъ, коими оно насъ надѣляетъ. Фортуна, которой онъ хотѣлъ пожертвовать своимъ перстнемъ, не приняла отъ него сея жертвы, и Поликратъ напротивъ того казался счастливѣйшимъ еще прежняго. Большая рыба проглотила его украшеніе, оная была поимана, подарена Поликрату, приготовлена для его стола, и перстень его сысканный въ утробѣ рыбы возвращенъ Тиранну, который поблѣднѣлъ видя счастіе толь упрямо ему благосклонствующее; но уже приближалось время, въ которое его благополучія долженствовали перемѣниться вдругъ въ ужасныя напасти.

Дарій

Дарїй Истаспововъ сынъ, великїй Царь Персидскїй, предприялъ войну противу Грековъ; тотчасъ покорилъ себѣ всѣ Еллинскїя народы жившїя на сторонѣ Асїйской, и сосѣдственныя острова лежащїя на Эгейскомъ морѣ; самъ былъ взятъ, Тираннъ побѣжденъ, и Оритъ, полководецъ великаго Царя, приказалъ воздвигнуть высокїй крестъ, и Тиранна на немъ распять. И такъ сей человѣкъ, довольствовавшейся столь чудеснымъ благополучїемъ, и которой не могъ самъ испытать исканнаго имъ несчастїя, погибъ вдругъ жесточайшею и позорнѣйшею казнїю. И по сему нѣтъ ничего болѣе грозящаго человѣку несчастїемъ, какъ великое благополучїе; сїе счастїе играющее люто знаменитѣйшими человѣками, воздвигаетъ напротивъ изъ пыли наинесчастнѣйшихъ: оное низвергло Поликрата съ своего колеса, и меня бѣднѣйшаго изъ всѣхъ человѣковъ наградило великими бо-

 гатствами.

гатствами. Персы ихъ у меня не отняли; но напротивъ здѣлали еще великую славу моему искусству во уврачеваніи людей, и воздержанію, которымъ я вознесся во время пребыванія моего въ милости у Поликрата. А тѣ, которые во зло употребили повѣренность его къ себѣ и власть, были покараны различными наказаніями. Какъ я никогда никому не причинялъ зла, а напротивъ того дѣлалъ всякому добро, сколько могъ, то остался одинъ, коего пощадили побѣдители, и съ которымъ обходилися почтительно. Каждой тому радовался; ибо я былъ любимъ, и веселился благосостояніемъ моимъ безъ зависти, потому что никогда не оказывалъ ни жестокости, ни гордости, ни алчности, ни несправедливости. Въ Самѣ прожилъ я еще нѣсколько годовъ весьма спокойно; но наконецъ почувствовалъ въ себѣ непреоборимое желаніе паки увидѣть Ликію,

въ

въ коей провелъ я столь тихо мое младенчество. Въ оной надѣялся я сыскать воспитавшаго меня Алькина, перьваго производителя всего моего благополучїя. Прибывъ въ сїю страну увѣдомился я, что Алькинъ по потерянїи всѣхъ своихъ богатствъ скончался, и претерпѣлъ съ великимъ постоянствомъ свою старость. Я осыпалъ цвѣтами и оросилъ слезами его пепелъ; поставилъ почтительное надгробїе при его гробѣ, и вопрошалъ тщательно о его чадахъ. Мнѣ обьявили, что одинъ сынъ послѣ него остался, именемъ Орсилохъ, которой не возмогши заключить являться безъ имѣнїя въ своемъ отечествѣ, въ коемъ отецъ его имѣлъ толико сїянїя, возшелъ на иностранный корабль, чтобъ отплыть на дальнѣйшїй морскїй островъ, для препровожденїя скрытныя жизни. Къ томужъ еще прибавляли, что сей Орсилохъ претерпѣлъ кораблекрушенїе, спустя

мало потомъ предъ островомъ Кареатскимъ, и такъ что никого болѣе не осталося изъ племени благодѣтеля моего Алькина. Тотчасъ постарался я купить обитаемой имъ доселѣ домъ, и окружающее оный плодоносное поле. Радовался я не мало, увидя паки тѣ мѣста, которые подавали мнѣ сладкое воспоминаніе о пріятной моей юности, и о добромъ моемъ господинѣ. Мнѣ казалося, что я паки находился въ первомъ цвѣтѣ моихъ лѣтъ, въ которые услуживалъ я Алькину.

Едва купилъ я сіи у заимодавцевъ его наслѣдственныя имѣнія, какъ сталъ принужденъ отъѣхать въ Клазоменъ. Отецъ мой Полистратъ, и мать моя Фидила тогда преставилися; у меня много было братьевъ, которые жили между собою весьма несогласно; коль скоро прибылъ я въ Клазоменъ, тотчасъ предсталъ къ нимъ въ простомъ одѣяніи, какъ лишенный имѣ-

имѣнія, показывая имъ знаки, которые имѣютъ стараніе изъяснять дѣти. Они сильно удивилися видя прибавляющееся число наслѣдниковъ Полистратовыхъ, долженствующихъ раздѣлить малое его наслѣдство; чего ради сами они оспорили мое, и отказалися передъ судіями признать меня своимъ. Чтобъ наказать ихъ безчеловѣчіе, обьявилъ я имъ, что я соглашаюсь быть для нихъ иностранцемъ; и просилъ притомъ, чтобъ они навсегда изключены были по мнѣ быть наслѣдниками. Судьи оное опредѣлили; а я показалъ тогда мои богатства, привезенныя мною въ караблѣ, и открылъ имъ, что я сей Аристоной, пріобрѣтшей толико сокровищъ у Самосскаго Поликрата, и что никогда еще не былъ женатъ.

Братья мои тогда раскаявалися въ столь неправедной со мною поступкѣ; и желая быть хотя на день моими наслѣдниками, употребляли

требили наисильнѣйшія старанія; но уже втунѣ, войти паки въ мою дружбу. Раздѣленіе ихъ было причиною продажи всего имѣнія моего родителя; я оное купилъ, а они съ сокрушеніемъ увидѣли весь пожитокъ нашего отца пришедшей въ руки того, которому они ни малѣйшей части не хотѣли изъ онаго дать. Отъ сего впали они всѣ въ ужасную нищету; но послѣ, какъ они довольно претерпѣли горести за ихъ погрѣшеніе, восхотѣлъ я показать имъ доброе мое сердце: простилъ ихъ всѣхъ, принялъ въ мой домъ, и далъ каждому изъ нихъ, чѣмъ можно получить хорошей прибытокъ купечествомъ морскимъ, соединилъ ихъ всѣхъ въ одно мѣсто; они и дѣти ихъ жили у меня всѣ совокупно въ согласіи; и я здѣлался общимъ отцомъ розныхъ ихъ семей; а они соединеніемъ своимъ, и прилѣжаніемъ къ труду, собрали вскорѣ многочисленное богатство.

Между

Между тѣмъ старость, какъ ты ее видишъ, пришла стучаться къ моимъ вратамъ, обѣлила мои волосы, и сморщила мое лице; она меня увѣдомила, что я не долго уже повеселюсь толь совершеннымъ моимъ блаженствомъ. Но прежде моея кончины, желалъ я еще разъ увидѣть сію любезную мнѣ страну, и пріятнѣйшую мнѣ самого моего отечества, сію Ликію, гдѣ научился я быть добрымъ и мудрымъ при предводительствѣ добродѣтельнаго Алькина. Преплывая паки море спознался я съ купцомъ изъ островов Кисcладскихъ, которой меня обнадежилъ, что еще остался послѣ Орсилоха сынъ въ островѣ Дилѣ, которой подражаетъ премудрости и добродѣтели дѣда своего Алькина. Услыша сіе тотчасъ оставилъ я путешествіе въ Ликію, и спѣшилъ поскорѣе сыскать при гадательствахъ Аполлоновыхъ, въ его островѣ, сей дрогоцѣнный остатокъ такого роду, которому я всѣмъ одолженъ. Ма-

Мало уже времени осталось мнѣ жить: Парка непріятельница сего сладкаго покою, какой боги толь рѣдко низпосылают смертным, скоро поспѣшит перерѣзать нитку моей жизни; но я довольным умру, ежели мои глаза, прежде как сомкнуть я от свѣта, увидят внука моего благодѣтеля. Скажи мнѣ поскорѣе, о ты соживущей ему на сем островѣ, не знаешь ли ты его? Можешь ли ты мнѣ объявить, гдѣ мнѣ его сыскать? Естьли ты мнѣ способствуешь об нем увѣдать, всемогущіе боги в награжденіе за сіе допустят тебя узрѣть на лонѣ твоем сына сынов твоих даже до пятаго колѣна; всещедрые боги сохранят весь твой дом в мирѣ и изобиліи в возмездіе твоей добродѣтели.

Во время сего прошенія Аристоноева, Софроним проливал слезы смѣшанныя с радостію и болѣзнію. Напослѣдок не возмогая говорить, бросился на шѣю старикову, обнял

его,

его, прижалъ къ своимъ персямъ, и произнесъ съ трудомъ сіи слова прерывавшіеся вздохами.

Я, о мой отецъ, я сей, котораго ты ищешъ: ты видишь во мнѣ Софронима, внука твоего друга Алькина; это я, и не могу слушая тебя сомнѣваться, чтобъ не сами боги прислали тебя сюда для услажденія моихъ горестей. благодарность, казавшаяся погибшею на свѣтѣ, паки въ тебѣ воскресаетъ: я слыхалъ въ моемъ младенчествѣ, что славный и богатый мужъ, почитаемый въ Самѣ, былъ воспитанъ у моего дѣда: но какъ Орсилохъ родитель мой скончавшись въ младости оставилъ меня еще въ колыбѣлѣ, то не зналъ я о вещахъ сихъ инако, какъ весьма смѣшенно; не осмѣлился я ѣхать въ Самъ на неизвѣстность, и лучше желалъ жить въ семъ островѣ, утѣшаяся въ несчастіи моемъ презрѣніемъ суетныхъ богатствъ, и тихимъ употребленіемъ ублаженія

музъ

музъ, въ посвященномъ Аполлону домѣ: премудрость, приваживающая людей довольствоваться малымъ, и быть завсегда спокойными, была мнѣ поднесь вмѣсто всякихъ богатствъ.

Окончавъ сіи слова, увидѣлъ себя Софронимъ пришедшаго во храмъ: предложилъ Аристоною принесть въ немъ молитву свою и жертвы. По сему и здѣлали они приношеніе Дилію изъ двухъ овечекъ бѣлѣйшихъ снѣга, и юнца имѣющаго между роговъ своихъ искривленную луну: потомъ воспѣвали стихи въ честь Ѳлву освѣщающему вселенную, управляющему погодами, предсѣдящему наукамъ, и оживотворяющему соборъ девяти музъ.

По исшествіи изъ храма Софронимъ и Аристоной препроводили остатокъ дня въ повѣствованіи другъ другу своихъ приключеній. Софронимъ угощалъ старика своего съ нѣжностію и почтеніемъ, котораго не болѣе бы засвидѣтельствовалъ

ствовалъ и самому Алькину, естьлибъ оный въ живѣ еще находился.

На утріѣ отъѣхали они вкупѣ, и парусы направили въ Ликію. Прибывъ туда Аристоной привелъ Софронима на плодоносное поле, лежащее у нѣкоторыя рѣки, во струяхъ коея, возвращаяся съ ловитвы Аполлонъ, не рѣдко погружалъ покровенное пылью свое тѣло, и обмывалъ прекрасныя свои волосы подобящіяся злату. По берегамъ сея рѣки увидѣли они широкій рядъ тополъ и ивъ, которыхъ нѣжная и прераждающаяся зелень сокрывала гнѣзда безчисленнаго числа птицъ, поющихъ и днемъ и ночью. Рѣка упадающая съ дикаго камня съ великимъ шумомъ и пѣною, разбивала струи свои во рвѣ о великое количество малыхъ камешковъ. Вся долина покрывалася золотою жатвою; холмики возвышающіеся въ образъ позорищныхъ мѣстъ обременялися виноградными лозами, и плодоносными деревьями. Вся природа

рода тамъ казалася смѣющеюся и проливающею изобиліе: тихое и ясное небо свѣтлѣлось, и земля всегда готова подавать изъ нѣдръ своихъ новыя богатства въ заплату земледѣльцевыхъ трудовъ.

Подавшися въ верьхъ рѣки увидѣлъ Софронимъ домъ простой и посредственной, но пріятнаго расположенія и изряднаго повсюду размѣра. Въ ономъ не нашелъ онъ ни мрамора, ни золота, ни серебра, ни слоновыя кости, ни багряныхъ украшеній; но все было въ немъ приборно, и наполнено пріятностями и выгодами безъ всякія пышности. По срединѣ двора билъ водометъ, (*) и производилъ малой

(*) Водометъ, un jet d'eau, ou une fontaine. Признаюсь, что водометъ слово новое, и выдуманное мною; и въ вольности моей инаго оправданія непредставляю, кромѣ сего, что мнѣ лучше разсудилось положить свое, хотя неупотребительное, однакожъ наше, а не Французское.

лой ручаекъ по зеленому ковру. Сады его не были пространны; но содержали въ себѣ плоды и произращенія полезныя для питанія человѣкова: съ двухъ сторонъ окружали вертоградъ его двѣ рощицы, коихъ деревья столькожъ почти были древни, какъ и сама мать ихъ земля, и которыхъ густыя вѣтви дѣлали непроницаемую сѣнь отъ солнечныхъ лучей.

Аристоной и Софронимъ вошли въ пространнѣйшую онаго храмину, гдѣ имъ уготовили изъ сладкихъ яствъ обѣдъ, произведенной природою въ садахъ, и въ коемъ не видно было ничего такого, что роскошь людей заставляетъ сыскивать за дорогую цѣну въ далечайшихъ странахъ. Одно было молоко подобное сладостію тому, которое имѣлъ попеченіе доить Аполлонъ, когда онъ былъ пастыремъ у Царя Адмета; и медъ избраннѣйшій того, которой приносятъ Иллибейскія въ Сициліи пчелы, или

на

на Аттической горѣ Иметтѣ: были тутъ также огородныя произращенія, и плоды сорванныя въ самое то время; вино сладчайшее Нектара, лїющагося изъ великихъ чашъ въ златокованныя сосуды.

Во время сея воздержныя трапезы, но сладкія и здоровыя, Аристоной не хотѣлъ сѣсть за столъ: подъ разными предлогами старался онъ сокрыть свою кротость; но когда Софронимъ хотѣлъ его къ тому принудить, то онъ ему обьявилъ, что онъ никогда не согласится вкушать вмѣстѣ со внукомъ Алькина, которому онъ столь долгое время услуживалъ при томъ самомъ столѣ. Вотъ гдѣ, вовопилъ онъ потомъ, сей премудрый старикъ имѣлъ обычай ясть; вотъ здѣсь бесѣдовалъ онъ съ своими друзьями; въ семъ мѣстѣ забавлялся разными играми, и вотъ тамъ прогуливался онъ читая Омира и Исїода; и въ етомъ мѣстѣ покоился онъ во время нощи. Воспоминая

поминая сіи обстоятельства сердце его стѣснилося, и слезы полились изъ очей его.

Послѣ обѣда повелъ онъ Софронима осмотрѣть пріятнѣйшій лугъ, на коемъ паслися великія рыкающія стада при берегахъ рѣки; по далѣ оныхъ нашли они пасство барашковъ питавшихся влажною травою, блѣющихъ овѣцъ исполненныхъ сладкаго молока, и послѣдуемыхъ малыми и прыгающими ихъ ягнятками. На нивахъ увидѣли они тщательныхъ дѣлателей, которые усердными своими трудами показывали, что они работу любятъ единственно для пребытка ласковаго и благопріятнаго ихъ господина, старающагося отъ нихъ быть любимымъ, и имъ подавать услажденіе въ трудахъ ихъ невольничества.

Аристоной показывая Софрониму, свой домъ, невольниковъ, стада,

да, и нивы здѣлавшïеся столь плодосными рачительнымъ земледѣлïемъ, произнесъ къ нему сïи слова, несказанно я радуюсь видя тебя въ древнемъ наслѣдïи твоихъ предковъ, и неописанно доволенъ возвращая тебѣ обладанïе надъ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ я столь долго служилъ Алькину. Наслаждайся мирно тѣмъ, что ему принадлежало, живи благополучно, и прïуготовляй себѣ изъ далека бдѣнïемъ своимъ кончину тишайшую его.

Въ тоже самое время и подарилъ онъ его симъ имѣнïемъ, со всѣми торжественными обрядами предписанными законами; причемъ объявилъ, что онъ исключаетъ отъ наслѣдства природныхъ своихъ наслѣдниковъ, ежели они будутъ столь неблагодарны, что станутъ оспоривать подаренïе здѣланное имъ внуку благодѣтеля его Алькина; но сïе не довольно было

для

для удовольствованія его сердца. Прежде подаренія своего дома, украсилъ его Аристоной повсюду уборами новыми, и хотя невеликолѣпными, но приличными, прочными и пріятными; житницы его наполнилъ богатымъ даромъ Димитры, а погреба виномъ Хійскимъ, достойнымъ подносиму быть рукою Ганимидеевою при столѣ великаго Зевса; ко оному прибавилъ еще вина Парменійскія съ довольнымъ количествомъ Иметскаго и Ивлскаго меда, и масла Аттическаго неуступающщаго почти въ сладости и самому меду; напослѣдокъ ко всему тому присовокупилъ безчисленное множество волны, подобящейся въ чистотѣ и бѣлизнѣ снѣгу, богатой корысти смирныхъ овецъ, пасущихся на Аркадскихъ горахъ, и на жирныхъ Сицилійскихъ пасствахъ. Въ такомъ то состояніи оставилъ онъ домъ свой Софрониму: при чемъ подарилъ ему еще пятьдесятъ

 талан-

талантовъ Евтоническихъ, оставя своимъ сродникамъ владѣнія, которыя онъ имѣлъ въ Клазоменскомъ полуостровѣ, около Смирны, Либеда и Колофона, стоящія великія цѣны.

Когда подареніе учинилося, то Аристоной паки вошелъ на корабль для возвращенія въ Іонію. Софронимъ удивленный и обремененный толико знаменитыми благодѣяніями, провождалъ его со слезами даже до корабля, именуя его непрестанно своимъ отцемъ, и лобызая нѣжно въ своихъ объятіяхъ.

Аристоной скоро прибылъ къ себѣ посредствомъ счастливаго мореплаванія. Никто изъ сродниковъ его не дерзалъ жаловаться на сіе, что онъ столь щедро наградилъ Софронима. Я оставилъ, говорилъ онъ имъ, по послѣдней моей въ завѣтѣ волѣ такое опредѣленіе

леніе, что всѣ мои имѣнія будутъ проданы, и раздѣлены по убогимъ Іонянамъ, естьли кто нибудь изъ васъ осмѣлится уничтожать даръ здѣланной мною внуку Алькинову.

Сей премудрый старикъ препровождалъ остатки дней своихъ въ тишинѣ, и веселился имѣніемъ посланнымъ ему богами за его добродѣтель. Каждый годъ, не взирая на свою старость, дѣлалъ онъ путешествіе въ Ликію для свиданія паки съ Софронимомъ, и для принесенія жертвы на гробѣ Алькиновѣ, которой онъ изукрасилъ наивеликолѣпнѣйшими украшеніями. Притомъ повелѣлъ, чтобъ собственный его прахъ по смерти его вмѣщенъ былъ въ тотже гробъ; дабы его пепелъ соединился вкупѣ съ прахомъ дражайшаго его господина.

Каждый годъ весною, нетерпѣливо желая его увидѣть, имѣлъ Софронимъ обращенны очи свои на пространство морское, стараяся усмотрѣть Аристоноевъ корабль, которой повсягодно прихаживалъ въ сїе время. Каждый годъ вкушалъ онъ удовольствїе, усматривая изъ далека сей коробль. плывущей по горькимъ волнамъ, которой ему былъ толико любезенъ; а прибытїе онаго было для него несравненно сладчайшее всѣхъ даровъ воскресающїя весною природы по жестокостяхъ свирѣпыя зимы.

Въ нѣкоторый годъ не видѣлъ онъ паки приплывающаго по прежнему сего толико желаннаго имъ корабля: воздыхалъ онъ горько, печаль и страхъ изображалися на его лицѣ, сладкїй сонъ далеко убѣгалъ отъ его очей, никакїя избраннѣйшїе яствы не казались ему прїятными; всеминутно онъ безпо-

коился, смущался отъ малѣйшаго шума, за всегда былъ обращенъ къ пристани, спрашивалъ всѣхъ повсячастно, не видалъ ли кто какого корабля пришедшаго изъ Іоніи. Напослѣдокъ увидѣлъ его; но, увы! Аристоноя на немъ ужъ больше не было: корабль везъ одинъ его пепелъ въ серебряномъ сосудѣ. Амфиклъ старинный другъ усопшаго, и однихъ почти съ нимъ лѣтъ, будучи вѣрнымъ исполнителемъ, послѣдняго его желанія несъ печально сей сосудъ.

Когда къ нему приближился Софронимъ, слова его пресѣклися, и одни всхлипыванія изъясняли его помышленія. Лобызая сей сосудъ, и орошая его теплыми слезами, произнесъ онъ къ нему сіи слова: о любезный мужъ! ты содѣлалъ мнѣ все счастіе моей жизни, и ты же мнѣ причинилъ и наижесточайшія горести; я тебя болѣе не увижу. Смерть моя будетъ

 мнѣ

мнѣ сладка, чтобъ увидѣть тебя, и служить тебѣ въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ тѣнь твоя упокоевается блаженнымъ миромъ, которымъ боги праведныхъ за добродѣтели награждаютъ. Ты паки возобновилъ во дняхъ нашихъ истину, благочестїе и благодарность на земли; ты показалъ въ вѣкѣ желѣзномъ благость, и непорочность златаго вѣка. Боги, прежде увѣнчанія твоего въ жилищѣ праведныхъ, ниспослали къ тебѣ на землю блаженную, прїятную и долгую старость; но увы! чему надлежало бы на всегда продолжа́ться, то никогда не бываетъ долговременно. Не чувствую уже я болѣе безъ тебя никакой сладости въ жизни. О дражайшая тѣнь! когда я за тобою послѣдую? драгоцѣнный прахъ, естьли ты еще что можешь чувствовать, то не сомнѣнно возрадуешься почувствуя смѣшеніе свое съ пепломъ Алькиновымъ; а мой также когда

нибудь

нибудь смѣшается съ вашимъ: ожидая чего, все мое увеселеніе будетъ въ томъ, чтобъ сохранить по смерть сія любезнѣйшія для меня остатки. О Аристоной! никакъ, ты не умеръ, но будешь жить за всегда во глубинѣ моего сердца; скорѣе забуду я самъ себя, какъ тебя толико любезнѣйшаго мнѣ человѣка, толико любившаго меня, толикаго любившаго, добродѣтель, и такого которому я всѣмъ одолженъ на свѣтѣ!

По сихъ прерываемыхъ тяжкими вздохами словахъ поставилъ Софронимъ сосудъ во гробъ Алкиновъ; принесъ многія жертвы, коихъ кровь обливала дерновыя жертвенники окружающія гробъ; пролилъ возливаніе изобилующее виномъ и молокомъ; возжегъ благоуханія привезенныя отъ конца востока, воставившія на воздухѣ благовонный облакъ.

Потомъ уставилъ Ссфронимъ, на всякое лѣто въ сей самый день, производить погребательныя игры въ честь Алькину и Аристоною. На оную собиралися изъ Карїи, счастливой и плодоносной странь; отъ красныхъ береговъ рѣки Меандра, увеселяющагося толикими извилинами, и кажущагося оставляющимъ съ печалїю орошаемую имъ землю; отъ пологихъ и за всегда зеленѣющихъ бреговъ рѣки Каистра, отъ струй Пактола вертящаго подъ волнами своими золотый песокъ; изъ Памфилїи, которую Церера, Помона и Флора украшаютъ на прерывъ; и наконецъ изъ пространныхъ Киликїйскихъ долинъ, орошаемыхъ подобно вертограду дождями упадающими съ горы Тавра, покрытой за весгда снѣгами. Во время сего толико торжественнаго праздника, юноши и дѣвицы, одѣянныя въ одежды тканыя изъ волны бѣлѣйшїя самыхъ лилїй, воспѣвали пѣс-

ни въ честь Алькину и Аристоною; ибо не возможно было хвалить одного безъ другаго, ни раздѣлять двухъ мужей толь тѣсно соединенныхъ и послѣ самыя смерти.

Но всего было удивительнѣе сїе, что съ самаго перьваго дня, во время, коего дѣлалъ Софронимъ возливанїе составляемое изъ вина и молока, начала произрастать изъ середины гроба мирта зелени и благоуханїя преизбраннаго; и вскорѣ потомъ возвысила кудрявую свою вершину для прикрытїя обѣихъ сосудовъ своими вѣтвями и осѣненїемъ. Каждый тогда возопилъ, что Аристоной въ возмездїе своей добродѣтели превращенъ богами въ сїе прекрасное дерево. Софронимъ принялъ попеченїе поливать оное собственными своими руками, и почитать его честїю божескою. Сїе дерево не показывая ни малаго знака старости перераждалося черезъ каждое десятолѣ-

тіе; и боги восхотѣли показать симъ чудомъ, что добродѣтель, испускающая толико сладкое благоуханіе въ память человѣковъ, никогда не скончавается.

Конецъ Аристоноевыхъ приключеній.



РОЖДЕНІЕ
людей
ПРОМИѲЕЕВЫХЪ.

РОЖДЕНІЕ
ЛЮДЕЙ
ПРОМИѲЕЕВЫХЪ.

Ты вѣдаешъ, любезный мой Ѳеодектъ, что премудрый Дидимъ въ Сиракузахъ научалъ божественному эсклипіевому искусству, и что я у онаго въ юности моей почерпнулъ превосходное знаніе во врачеваніи. Флегонъ сынъ Аристиловъ и я, прилѣжнѣйшія были его ученики. Нѣкогда избралъ онъ насъ для сотовариществованія ему на мысъ Племмирской, на коемъ желалъ онъ сыскать нѣсколько упокоенія. Возвращаяся съ сего мыса лежащаго прямо противъ малаго острова Ортигіи, остановилися мы рассматривать остатки Ирина

храма, построеннаго на берегу морскомъ. Дидимъ показывая намъ сіи священныя развалины, давалъ намъ примѣчать крѣпость строенія, казавшагося съ жалостью уступающимъ нападкамъ времени, пріятную простоту зданія и изрядное расположеніе столповъ. Пересматривая во внутренности Флегонъ и я, увидѣли мы большой остатокъ живописи, которой привлекъ наше вниманіе; но коего содержанія не могли мы растолковать. Въ семъ случаѣ приняли мы прибѣжище къ ученому нашему старику. Онъ наклонился къ куску мрамора, на коемъ начертано было нѣсколько буквъ, которые старался онъ разобрать. Но великое просвѣщеніе его разума умножалося вмѣстѣ съ его лѣтами, которые ослабили наиболѣе его тѣло. *Дѣти*, сказалъ онъ обратяся къ намъ, *мнѣ нужны здѣсь ваши глаза: а мои отказываются уже удовольствовать мое любопытство*. Мы до-

вольно

вольно имѣли труда на прочтеніе надписанія: оно было составлено на греческомъ языкѣ, но худо начертанными пуническими письменами и содержало сіи слова. *ПИРАТЪ* (*) *АКТОРЪ, для полученія благопоспѣшнаго мореплаванія поспятилъ Ирѣ, коея унесъ онъ истуканъ, сіе мраморное подножіе, безполезную тяжесть, коею не восхотѣлъ онъ отягчить своего корабля.* Дидимъ не могъ удержаться, чтобъ не улыбнуться на сіе забавное святотатство: но увидя, что мы его осматриваемъ, принялъ опять постоянный свой видъ. Мы попали потомъ на часть живописи, Дидимъ позналъ въ ней руку Паненову, (**) и показывая намъ ея красоты, истолковалъ въ нихъ столько

(*) Πειρατης; морской разбойникъ.

(**) Живописецъ Аѳинскій, братъ Фидіевъ. Прославился въ изображеніи.

столько согласія и вкусу, что можно было къ нему присвоить то, что сказалъ Менехмъ Сикіонскій, въ повѣствованіи своемъ о славнѣйшихъ художникахъ, *что столь же не менѣе надобно искусства для почувствованія прекрасныхъ вещей, какъ и для изъясненія оныхъ.* Дидимъ непереставалъ удивляться и соболѣзновать о сей достопамятности, которую время хотѣло обратить въ ничто, и которая уже и такъ много повредилась.

Содержаніе сея живописи было изображеніе мужа и жены, произведенныхъ Промиѳеемъ. Основаніе картины представляло пространную пустыню, на коей живописецъ помѣстилъ наивеселыя полевыя явленія. Являлися тамъ различныя звѣри. Чета человѣковъ упражнялася на переди оныхъ. Сіи два лица были со всѣмъ наги, и преудивительнаго искусства. Образъ мущины блисталъ всѣмъ величествомъ его пола, подъ чертами крѣпкими

й порядочными; члены имѣлъ тонкія и твердыя, коихъ всѣ мышцы были обьяснены, такъ какъ на прекрасныхъ хребтахъ борцовъ, которыхъ ты видалъ въ Ахрадинѣ (*). Станъ его былъ высокій, и таковъ, въ какомъ представляютъ Ироевъ. Ростъ жены казался менѣе, и представлялся въ видѣ расположенія приличнаго, которое давало усматривать всѣ превосходства преизряднѣйшаго соуподобленія. Ежели живописецъ употребилъ все искусство своей кисти на обьясненіе нашего пола, то оставилъ всѣ пріятности и заразы другому роду. Все въ ней было совершенно, голова, руки, грудь и самыя малѣйшія части: прекрасное расположеніе членовъ, чистая оныхъ равномѣрность, и повсюду пріятство и спѣлость: живость цвѣта казалася дышущею жаромъ и чувствомъ, кото-

(*) Такъ называлась часть Сиракусъ.

которыя возбуждала она и въ зрителѣ, и на которую вз ранїе не оставалося безъ наказанїя; составь себѣ изъ всего сего воображенїя картину, которую не могу я инако тебѣ описать, какъ весьма слабо. Сїи изображенїя держалися за руки, и мягкїя женскїя руки сжимали нѣжно мускїя. Видъ ея лица не можно довольно описать: это было прельщающее смѣшенїе стыдливости, невинности и робости; полу затворенныя ея глаза казалися убѣгающими съ нѣжною улыбкою ея лица, которое отсвѣчивалося въ маломъ ручайкѣ. Не знаю я, не было ли сїе природное зеркало вмѣщеннымъ случаемъ отъ живописца, для подания примѣчанїя на начало собственной къ намъ любви родившейся съ нами. Не много подалѣе отъ нихъ стоялъ Промѳѳей держа сосудъ, въ коемъ находился небесный огнь, которымъ онъ оживотворилъ мужа и жену. Сотворенїе свое рассматривалъ онъ

соудо-

соудовольствіемъ: радость, восторгъ и удивленіе блистали въ алчныхъ его взорахъ.

Послѣ рассмотрѣнія сей живописи просвѣщенными Дидимовыми очами, просили мы его рассказать все то, чѣмъ преданіе стихотворческое могло снабдить Панена въ такомъ веществѣ, которое казалося намъ недостаточнымъ. Дидимъ не пропускающей ни малѣйшаго случая къ нашему просвѣщенію, посадилъ насъ по сторону себя между тѣми развалинами, и истолковалъ намъ оное такимъ образомъ.

Зевсъ побѣдитель Титановъ, которыхъ менѣе вооружила на него обида причиненная Крону, какъ собственное ихъ честолюбіе, довольно уже былъ утвержденъ на своемъ престолѣ, и спокойно вкушалъ Нектаръ, возливаемой непрестанно Ивичною рукою; все было мирно на Олимпѣ, и смѣлые сыновья земли, разбіенныя небесными

молніями, или заключенныя въ Тартарѣ, не причиняли уже болѣе устрашенія бессмертнымъ; остатокъ Титановъ, избѣжавшей отъ гнѣва боговъ, заблуждалъ печально по землѣ, скорбящей объ ихъ разбитіи, и о своемъ опустошеніи; когда Промиѳей, происходящей изъ рода ихъ, простирая свой взоръ по вершинѣ горы Кавказской, и отъ оныя обращая по плодоноснымъ и пустымъ странамъ Асійскимъ: *какъ!* возопилъ онъ, *для того что Титаны хотѣли запсепать небеса, земля останется не обитаема? Когда Олимпъ обиталищемъ есть божества, ей ли остаться удѣломъ звѣрей презренныхъ? Потщимся отмстить сію несправедливость: не станемъ болѣе изможщаться на небо, но здѣлаемся соперниками боговъ; подражимъ ихъ могуществу и дѣламъ, и дадимъ миру обитателей.* Се рекъ, и произвелъ воображеніе о человѣкѣ. Тотчасъ прія въ свѣжую землю, и

чистую глину, обдѣлалъ въ образъ самихъ боговъ, и сотворилъ не постижимое произведенiе искусства, коего строенiе не менѣе чудесно въ нашихъ глазахъ, какъ и сея пространныя вселенны. Изъ жимающаяся подъ перстами его глина, то дѣлалася слипающеюся и твердѣющею для произведенiя костей, служащихъ основанiемъ и подпорою всей махинѣ: то становилася гибкою и жиловатою для составленiя мышцей, жилъ становыхъ, тѣлесныхъ и прочихъ связей: то распускалася на подобiе древесной коры, производя чудесное сiе тканiе, которое прикрываетъ и объемлетъ станъ человѣческiй. Наконецъ претворилася она въ тысячу образовъ, на подобiе воды, коею орошаютъ малое деревцо, и которая при природной своей простотѣ перемѣняется въ разныя существа, и превращается постепенно въ листья, цвѣты и плоды. Сказываютъ, что замыслова-

тый

тый сынъ Іапетовъ смочилъ сію мягкую и рухлую землю, опредѣленную на произведеніе мозга, сердца и печени, разными влагами, которыя заимствовалъ онъ отъ животныхъ; и сіе есть источникъ страстей человѣческихъ. Когда Промиѳей скончилъ первое свое твореніе, тогда взялъ остатокъ земли, приготовленной уже совсѣмъ, истолокъ ее нѣсколько для поданія ей большей нѣжности, и произвелъ жену; точный снимокъ мущины, подобящеися во всемъ образцу: снимокъ сей здѣланъ равно и для уравненія и для растроенія, за всегда несогласующимся и рожденнымъ для согласія. Представь себѣ чету весьма сходную, и чрезмѣру несходствующую, двухъ противоположниковъ и соединенныхъ на вѣки, двухъ друзей за всегда совокупляющихся вмѣсто и двухъ враговъ непрестанно враждующихъ: таковыхъ ты найдешь въ мужѣ и женѣ, каковыми они

вышли изъ рукъ Промиѳеевыхъ, и такихъ, каковые еще и нынѣ находятся.

Сіи два образа безпрекословно совершеннѣйшія превсходнѣйшихъ Истукановъ Алькаменовыхъ или Фидіевыхъ, были бездушны, такъ какъ мраморъ и мѣдь. Надлежало вселить въ нихъ чувство, жизнь и движеніе.

Промиѳей позналъ тогда, сколь сила его и смыслъ были нисше могущества боговъ, и такъ принялъ намѣреніе достойное Тиранна. То есть, чтобъ итти даже на небо похитить часть оживотворяющаго огня, которой есть душа вселенныя. Нашедъ средство войти во святилище безсмертныхъ, гдѣ хранился сей небесный огнь, возвратился паки съ драгоцѣнною своею покражею на подошву горы Кавкасской. Тамъ, какъ искусный ваятель печатлѣваетъ нѣкоторымъ образомъ живность на мѣди, поправляя ее по выходѣ изъ плавки, такъ

Промиѳей прикасаяся священнымъ огнемъ къ двумъ своимъ землянымъ глыбамъ, вдругъ ихъ оживотворилъ и учинилъ живущими. Уже они движутся сами собою и дѣлаютъ разныя положенія. Теплая кровь переливается въ ихъ жилахъ, и оцвѣчаетъ тѣло ихъ живою краскою: глаза ихъ открываются, и блещутъ огнемъ живущимъ въ ихъ бытіи: вся ихъ душа начертывается на ихъ лицахъ, и ощущенія ихъ на ономъ открываются.

Но обратимся на явленіе: разсмотримъ сіи два сотворенія въ тотъ самой мигъ, когда они претворяются изъ небытія въ бытіе. Ссудилъ ихъ изрѣченіями для изъясненія ихъ воображеній, раждающихся въ нихъ отъ разныхъ воззрѣлищъ, поражающихъ ихъ чувства. Учинилъ ихъ, такъ сказать, разсуждающими разумно, и посмотримъ на исторгшееся ихъ понятіе.

Едва

Едва ослѣпленныя свѣтомъ потрясшимъ слабое ихъ орудіе, обнадѣялися они на помощь слабыхъ своихъ рѣсницъ, какъ первыя ихъ взоры упали на нихъ самихъ: и тотчасъ привлекаются другими предмѣтами. Свѣтлая лазорь безоблачнаго неба, хрусталь чистаго ручья, подобнаго прозрачностью воздуху, пестрота луговъ, зелень полей и лѣсковъ: всѣ сіи разцвѣчиванія, которые природа является прибирающею и перемѣняющею для единаго удовольствія очей, по порядку возхищали ихъ глаза, въ оныя входили съ пріятностію и безъ помѣшательства, и разпространяя ихъ нѣжныя перепонки, начертывали въ оныхъ прелестныя свои виды. Въ сію минуту вселенная казалась нарочно вышедшею для нихъ изъ Хаоса: повѣствуютъ, что все въ одно время произродилось, зрѣлище и зрители.

Но уже ли взоры ихъ начерпались сего великолѣпнаго позорища? Ка-

кое притяженіе привлекаетъ ихъ въ каждое мгновеніе на нихъ самихъ ? Они удивляются всему тому, что ихъ ни окружаетъ : но размышляютъ о томъ съ любопытствомъ наиживѣйшимъ и съ корыстующею тайностію. Удовольствіе ихъ смотрѣть другъ на друга не ограничивается въ напечатлѣніи видимаго. Души ихъ выступаютъ въ ихъ глаза : ею они смотрятъ, и сообщаются : чувствованіемъ замѣняется согласіе ; они понимаютъ себя не зная другъ друга, и одна природа остается толковательницею ихъ нарѣчія. Понятія производимыя въ нихъ другими предмѣтами, не оставляютъ въ ихъ мозгу кромѣ слабыхъ слѣдовъ ; но то, что возбуждаетъ въ нихъ взаимное ихъ присутствіе, движитъ ихъ воображеніе, и освобождаетъ его.

Откуду я пришла ? гдѣ я ? вскричала женщина ; [ибо непремѣнно ей должно уступить честь

пре-

прекращенія тишины,] *чтожъ я была назадъ тому минуту? Кто вдругъ произвелъ мое бытїе, и чувствованїе моего вещества? Ты, котораго я вижу здѣсь одного, и совсѣмъ похожаго на меня, естьли состоянїе наше равно, помоги мнѣ разобрать все то что я ни чувствую.* Мущина имѣя уши удивленныя пѣнїемъ птицъ, познаетъ новое чувствованїе, котораго онъ болѣе еще не понимаетъ, ставши пораженъ голосомъ прелестнѣйшимъ, переходитъ изъ удивленія въ удивленїе. *Что слышу я?* вопїетъ онъ въ свой рядъ: *какїя звоны проницаютъ мои уши, и отъ оныхъ нисходятъ въ мое сердце? Какую сладость проливаютъ они въ моей душѣ? Я тебѣ одолженъ новою жизнїю половина моего бытїя, которою я дышу. Ибо по движенїямъ, кои ты въ меня вселяешъ, по власти, которую ты надъ чувствами моими оказываешъ,*

не можешъ ты иное быть, какъ часть самого меня. Послѣ сего тотчасъ къ ней приближается, беретъ ея руку, и сжимая подобныя снѣгу ея перцы: *Что я чувствую?* продолжаетъ: *А! какія прелести присоединены къ сему, къ чему я прикасаюсь! бѣлизна и нѣжность сея кожи возбуждаетъ въ моей не знаю какое то сладкое чувствованіе. Она сей сообщаетъ сладкую теплоту, которая проницаетъ во внутренность моихъ жилъ, и меня воспламеняетъ.* Такимъ образомъ удивленіе ихъ перерождалося беспрестанно отъ разныхъ имуществъ, которыя распознавали они постепенно въ себѣ самихъ; но послѣдующее естественное стремленіе начинаетъ предписывать имъ оныхъ употребленіе; и природа рачащая болѣе объ ихъ дѣйствіи, нежели объ ихъ свѣденіи, старается здѣлать ихъ понятнѣйшими, нежели внимательными, въ ихъ движеніяхъ. Они идутъ, всту-

вступаютъ въ долину, въ коей око Промиѳеево ихъ наблюдаетъ. Женщина познаваетъ свою слабость опираяся на мущину, утверждающаго стопы свои по землѣ, отдается его препровожденію, и съ сея минуты является уступающею ему первенство, которое она скоро надъ нимъ воспріиметъ. Въ семъ видѣ протекаютъ они поле, которое Флора изукрасила всѣми своими дарами. Разцвѣтеніе разнообразныхъ цвѣтовъ забавляетъ ихъ очи: а исходящее отъ нихъ пріятное благовоніе чувствительно объемлетъ ихъ обоняніе, а наипаче женское. Между Мирѳою и Рододафною положенъ былъ пчелами улей меда, запахъ его смѣшавшися съ благоуханіемъ цвѣтовъ не убѣгаетъ отъ чувствительнаго ея обонянія: нѣжность онаго тотчасъ его познала. Уже блескъ сея жидкія манны прельщаетъ ихъ очи: и уже глаза ихъ соглашаются здѣлать опытъ ощущенію, коего они

еще не знаютъ. Женщина подъемлетъ одинъ сотъ, обмакиваетъ въ него свой перстъ, подноситъ его къ своему языку, и прельстясь сладостью Нектара Флорина, побуждаетъ вкусить отъ онаго и мущину. Кто можетъ противиться подчиванію женщины, коея рука подноситъ медъ! Когда сей полъ принуждаетъ насъ толь часто поглощать полынь и желчь. Едва пріятный сокъ коснулся губамъ мужа, какъ сей восхотѣлъ проглотить весь сотъ: возбуждаясь примѣромъ своей содруги, началъ его ѣсть и насыщаться, сіе послѣднее чувство, коего испытаніе одолжено счастливому любопытству женщины, казалось имъ чувствительнѣйшимъ всѣхъ прочихъ, испытанныхъ ими. Дѣйствіе сея легкія трапезы бываетъ поспѣшно: медовыя пары пролили въ свободныя протоки ихъ жилъ бальсамъ, который ихъ усыпилъ. Сладкій сонъ постигъ ихъ при подошвѣ мирты, подъ коею они легли. Му-

правда

Мущина пробудился первой, и нашелъ себя въ объятіяхъ любезной своей содруги. Она была прилѣплена къ нему такъ, какъ виноградная лоза прививается къ ульму. Въ семъ прелестномъ положеніи началъ онъ ее рассматривать со увеселеніемъ. Но на какую прелесть утвердитъ онъ алчныя свои взоры? Всякая возбуждаетъ въ немъ особенное притяженіе. Два мраморныя шарика бѣлѣйшія и чистѣйшія преизбраннѣйшаго Паросскаго мрамора, и подобящіеся двумъ прыгающимъ агнцамъ, притягали его къ себѣ пріятнымъ своимъ зыбленіемъ. Глаза ея, руки и уста казалися спорующимися объ его обладаніи. Длинныя русыя волосы віяся колечками волновалися нѣжно на ея груди: но сколько еще сонъ ее изукрасилъ! щоки ея, которыя онъ умастилъ, не надмѣвая ихъ тѣмъ ни мало, наичистѣйшимъ сокомъ своихъ маковъ, оживотворялися прелестнымъ румянцомъ,

 мѣ-

мѣшающимся съ бѣливною лилей. Носъ ея снятой съ самыхъ пріятностей, не былъ ни дологъ, ни малъ. Уста ея подобяся пучку розъ распустившихся въ тотъ самой мигъ, окружали нѣжно прелестной ея ротъ, которой будучи окруженъ играми, показываетъ въ себѣ рядъ жемчуговъ, придающихъ новое сіяніе ея рубинамъ.

Таковою то матерь человѣческаго племени представилася первому человѣку. На столькихъ то притязаніяхъ, божественный Промиѳей, положилъ ты размноженіе смертныхъ, и умѣлъ увѣрить о томъ вѣчность. Стремленіе толь сильное въ животныхъ, самая необходимость, и естественныя желанія не довольны были для сего великаго намѣренія. Ты хотѣлъ намъ здѣлать къ тому сладостное понужденіе, и истощенныя пріятности на нѣжный полъ, суть меньшее искусство твоихъ рукъ, какъ глубокое твое между нами притязаніе.

Между

Между тѣмъ природа прилѣжащая управлять ихъ движеніями, спѣшитъ совершить произведеніе хитростнаго ихъ художника. Сама она воспѣваетъ ихъ бракъ: а они переходятъ изъ роскошей въ роскоши, и изъ рукъ Морфеевыхъ въ руки Еротовы *Какое блаженство* вопіетъ восхищенная супруга: *Какъ! Источникъ всѣхъ нашихъ благъ обитаетъ въ насъ самихъ? самыя наши нужды суть наши утѣхи: онѣ привязаны къ нашимъ чувствамъ, и всякая наша часть имѣетъ ихъ особо! - - - Ахъ! дражайшая половина моего тѣла*, перехватилъ отецъ человѣковъ, *ощущаемое мною къ тебѣ чувство замыкаетъ въ себѣ всѣ прочія. Удивлялся я сіянію солнца! дневная ясность прельщала мое зрѣніе; но твои очи несказанно ихъ блистательнѣе: твой одинъ взглядъ наполняетъ меня тысячею сладостей. Цвѣты сихъ полей, живыя ихъ краски*

ски забавляли мои глаза; но твои сїянїя постыжаютъ все то, что я ни видалъ блистательнаго. Съ прїятностїю обонялъ я благовонїе розъ и Мирѳъ: но твое дыханїе несравненно ихъ сладостнѣе. Слышалъ я пѣнїе звучнаго соловья, и нѣжныхъ пташекъ, голосъ ихъ прельщалъ только мои уши: а звонъ твоего прелестнаго голоса нисходитъ даже до глубины моего сердца, я его чувствую текущаго по всѣмъ моимъ жиламъ. Вкушалъ я наконецъ и сладость меда: но та, которую сосалъ я съ твоихъ устъ, неописанно сладчайшая --- но какое еще разслабленїе меня обымаетъ! не вся ли моя оставила меня крѣпость? Не помѣнялись ли мы нашими душами! не твою ли я чувствую слабость, и не за сїю ли цѣну продала ты мнѣ утѣхи, чувствуемыя мною на твоей груди. Ахъ! я вижу ясно, что ты отнима-

ешь

ешъ опять тѣ права, которыя ты казалась уступать моему полу; и твои очи увѣряютъ тебя болѣе о владѣнїи надо мною, какъ суетныя преимущества, которыя кажутся утверждающими мое.

КОНЕЦЪ. Слава Богу, Амин



Если вамъ
скучно такъ чи-
тайте эту книгу

